

КОЛЛЕКЦИЯ

КАРМАН

историй

ПОДАРКИ!
Подробности на стр. 23, 33

Воспоминания
сестры Нонны
Мордюковой:

Сергей Герасимов
мстил Нонне
за отказ выйти
за него замуж

Евгений Хавтан:

«Агузарова — как
первая любовь,
которая сделала
меня мной»

Елена Яковлева:

«О том, что ушла,
не жалею»

Иван и Наталья
Краско:

Мы решили сами
рассказать правду
о нашем браке

Павел Глоба

Как астрология
помогает
зарабатывать
деньги

ISSN 1818-4383
1 1
9 771818 438774

коллекция **КАРАВАН**
историй

стр. 166

В НОМЕРЕ:

ИМЕНА

166

Татьяна Мордюкова
Моя душа, моя любовь!
Сестра!

ПРОЗА ЗВЕЗД

50

Евгений Хавтан
Я не ангел — это точно!

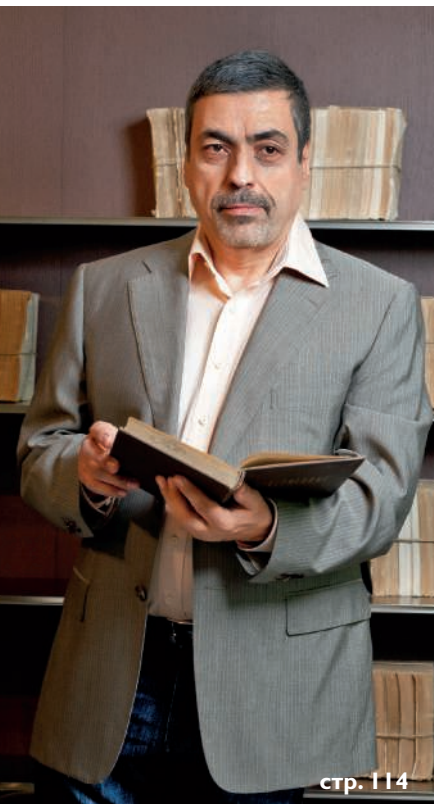
80

Иван и Наталья Краско
Подарок судьбы

стр. 50

стр. 80

стр. 114

14

Елена Яковлева
В движении

130

Александр Милокостый
Главная роль

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

114

Павел Глоба
Как стать миллионером

ФАНТАЗИИ

**Проекты Екатерины
Рождественской**

104

Классика

160

Частная коллекция

стр. 160

стр. 130

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

В ДВИЖЕНИИ

Если бы Ефремов поманил, пошла бы за ним словно замороженная. Я наравне со многими другими женщинами попала под обаяние Олега Николаевича. У него была невероятная мужская харизма...

— **В**ы работали с актерами-легендами: Олегом Ефремовым, Иннокентием Смоктуновским, Юрием Богатыревым... Похожи они были на нынешних звезд?

— Нет, раньше звезды были другими, высокомерия и закидонов себе не позволяли. Я всегда ужасно волновалась и даже боялась перед первой встречей, а потом, когда знакомилась, понимала, что мои страхи совершенно необоснованны. Кому-то Ефремов, Смоктуновский, Богатырев, возможно, казались капризными, но я не видела ничего такого, о чем не хотелось бы вспоминать. Рассказы об их тяжелых характерах — выдумки.

Мне действительно везло на режиссеров и партнеров. И ко-

нечно, посчастливилось попасть в «Современник» — сразу после окончания ГИТИСа и без московской прописки. Поступать я приехала из Харькова и за четыре года обучения не успела выйти замуж за местного жителя, хотя бы фиктивно, как советовали знающие люди. А «немосквичей» при отборе в театры даже не смотрели. И на показе в «Современник» я была самой спокойной из наших ребят. Чего волноваться, когда все упирается в пресловутый штамп в паспорте? Моих однокурсников просто трясло от волнения и страха. Перед нами за длинным столом в небольшой аудитории сидели Галина Волчек, Валентин Гафт, Лия Ахеджакова, Игорь Кваша, Лилия Толмачева... Возможно, именно потому, что ни на что не

ФОТО: Ф. ГОЙЧАРОВ / ДНЕЙ

С Валентином Иосифовичем Гафтом в спектакле «Уйди-уйди»

рассчитывала, я сыграла неплохо. Худрук Галина Борисовна Волчек даже не спросила о прописке, ее это не интересовало!

Я не верила своему счастью. Когда уже работала в театре, довольно долго казалось, что это сон. Поначалу ничего не играла, только кричала за сценой в одном из эпизодов спектакля «Дни Турбиных», изображая девушку, изнасилованную белогвардейцами. Месяцев шесть ролей не давали, но я считала, что это

нормально. Надо осмотреться, поставить «крышу» на место, а потом уже мечтать о серьезных работах. И однажды получила роль, и какую! Питель в легендарном спектакле «Двое на качелях».

«Современник» в те годы был не просто театром — домом, семьей. Мы вместе отмечали праздники, устраивали капустники. Актер мог подготовить роль из текущего репертуара, показать ее худсовету и в случае положительного решения «вестись» в спектакль.

Ему были готовы помочь старшие коллеги. В театре часто бывали экстренные вводы, и они будоражили не только тех, кто постоянно играл, но и молодых. Я ходила на все спектакли, смотрела репертуар еще и еще. Это могло пригодиться.

— А как вас приняли корифеи?

— Возможно, я кого-то разочарую, все слышаны о страшных театральных интригах, но со старшим поколением не было проблем. Взять хо-

тя бы Валентина Иосифовича Гафта. В «Пигмалионе» мы с ним играли, по-моему, лет восемнадцать: я — Элизу Дулиттл, он — профессора Хиггинса. И все в «Современнике» ждали, когда же наконец Гафт наедет на Яковлеву. По-моему, не было ни одного партнера по спектаклю, с которым у него не возникло бы конфликта. Такие срывы слу-

мой после совместных спектаклей. Однажды у нас с ней произошла такая история. «Современник» поехал на гастроли в Питер. Я очень устала на съемках, а буквально на следующий день надо было мчаться обратно в Москву. Чтобы никто не мешал отоспаться в вагоне СВ «Красной стрелы», я полностью выкупила купе — туда и обратно.

ся с книжкой и девушкой. Я понимаю, что это серьезно, одна не справлюсь. Зову нашего актера Рогволда Суховерко, он едет в соседнем купе: «Спасите, ради бога!» Рогволд Васильевич не очень любил Евтушенко, предпочитал поэзию Вознесенского, но не смог отказать. Мужчины быстро разговорились, стали читать стихи. Вместо одной попутчицы я

В «Современнике» ждали, когда же Гафт наедет на Яковлеву. Не было партнера по спектаклю, с которым у него не возникло бы конфликта

чались постоянно, причину никто не мог понять. Что-то не понравилось в партнере — и все, надулся. Валентин Иосифович не позволял себе ругаться, кричать, но если ты чувствовал, что бог «Современника» недоволен, находиться рядом и что-то делать было тяжело. Я этого избежала. У нас с Гафтом была самая нежная любовь. До сих пор общаемся, созваниваемся, как и с Ниной Михайловной Дорошиной. Она была моей партнершей в «Мурлин Мурло», и каждый раз за гримом, с шести до семи часов вечера, мы ухитрялись столько всего обсудить! Нина Михайловна всегда поздравляет меня с днем рождения и дарит постельное белье. Это ее традиционный подарок.

Достаточно теплые отношения сложились и с Лилией Михайловной Толмачевой. Мы с моим мужем Валерием Шальных часто подвозили ее до-

И вот сажусь в поезд на Ленинградском вокзале и думаю: «Только бы не узнали, что я одна, а то обязательно кого-нибудь поделят. Кто-то из актеров не сойдется характерами, не захочет вместе ехать и попросится ко мне». Тут стучится проводница:

— Елена, с вами хочет поговорить Евтушенко.

Я вздыхаю:

— Хорошо, пусть заходит.

На пороге появляется Евгений Александрович. Думаю: он хочет пообщаться с артисткой, но Евтушенко меня не узнает. Ему надо посадить на поезд в Питер свою подругу, у которой нет билета, и он просит, чтобы я ее приютила. Со всей возможной любезностью объясняю, что ужасно устала после съемок и хочу отдохнуть. Он говорит: «О боже! А я смотрю — знакомое лицо и не пойму, где вас видел? Сейчас подарю вам свои стихи!» Уходит и возвращает-

получила трех. Поэтический вечер растянулся до утра. Отдохнуть не вышло, сквозь дрему все слышала их нескончаемое бу-бу-бу.

Отыграла в Питере спектакль. Приехала на Московский вокзал. Ну, думаю, теперь выплось. Подхожу к купе и вижу Лилию Михайловну Толмачеву.

— Лена, ты с кем едешь?

— Одна.

— Правда? Ну, тогда я с тобой. Не возражаешь? Я тоже возвращаюсь в Москву.

В ту ночь вообще не сомкнула глаз, но ничуть об этом не пожалела. Толмачева рассказывала об истории «Современника», жизни с Олегом Ефремовым (она была его первой женой), работе с Марией Бабановой и много чего еще. Наверное, нуждалась в собеседнике. Лилия Михайловна была очень одинока после смерти второго мужа Виктора Фогельсона. Он возглав-

лял отдел поэзии издательства «Советский писатель» и был достаточно известен в литературных кругах. Супруги прожили вместе тридцать лет. Виктор Сергеевич очень любил свою Лилечку и полностью освободил ее от бытовых забот. Она занималась только театром. Но к сожалению, в последнее время играла мало, хотя была одной из

Однажды попросила Марию Мстиславовну меня подменить. В Минске шли съемки «Каменской», я моталась в Москву на спектакли по шестнадцать-восемнадцать раз в месяц и никогда не просила о замене. Но тогда стало невозможно, захотелось чуть-чуть уменьшить количество поездок хотя бы за счет «Крутого маршрута». Неелова помочь

шана о нем в «Современнике» — от «бывших» Олега Николаевича. Он казался мне монстром, Казановой, который мог совратить любую женщину. Другое дело, что «сворачиваемые» сами этого хотели, летели на его призыв словно мотыльки на огонь. Но это я поняла уже позднее.

Должна признаться: если бы Ефремов поманил, пошла

Нахапетов пытался ухаживать. Я его сразу тормознула. И потом интересовалась на голубом глазу: «Как ваша жена Верочка Глаголева? Дочки?»

ведущих актрис. Несколько лет назад у нее случился инсульт, после которого Лилия Михайловна так и не оправилась...

— **Когда-то театралы сплетничали, что у Галины Волчек четыре любимых актрисы: Марина Неелова, Елена Яковлева, Ольга Дроздова и Чулпан Хаматова. Вас с Нееловой многие считали соперницами.**

— Я никакого соперничества не ощущала. У нас с Мариной Мстиславовной есть определенная разница в возрасте, и роли мы играли разные. За исключением одного спектакля — «Крутой маршрут». В Москве он шел примерно раз в месяц, а на гастролях значительно чаще, как и другие постановки, в которых была занята Неелова. Для того чтобы ее разгрузить, меня и ввели на «ее» роль в «Крутом маршруте», а Ольгу Дроздову — в еще один спектакль. Играла в очередь.

отказалась, объяснив это определенными причинами, которые озвучивать не стану. Мне было не то что обидно — странно. Возможно, я сама виновата, не сумела найти нужные слова. Пожаловалась, что устала от бесконечных съемок. В театральных коллективах достаточно ревностно относятся к работе коллег в кино и на такие просьбы реагируют болезненно. Ну действительно: устала? Так не снимайся!

— **Очень хорошо помню фильм «Полет птицы», где вашими партнерами стали Юрий Богатырев, Родион Нахапетов, Автандил Махарадзе, Олег Ефремов. В картине с каждым из них у вас была любовь, а в жизни?**

— Отношения складывались по-разному. Но я не настолько влюбчивая, как эта героиня, и головы не теряла. Ефремова поначалу побаивалась, потому что была наслы-

бы за ним словно замороженная. Фильмы тогда снимались долго, и я наравне со многими другими женщинами тоже попала под обаяние Олега Николаевича. У него были невероятная мужская харизма и необузданный талант, это сочетание обладало огромной убойной силой. А на первый взгляд ничего особенного в Ефремове не было. Невзрачный немолодой мужчина, но посмотрит на тебя своими глазами, скажет что-нибудь с таким глубоким смыслом, что дух захватывает. Сама не замечаешь, что уже оказалась в плену его чар. Я была начинающей артисткой, но чувствовала такое внимание и уважение со стороны Олега Николаевича! С ним было безумно интересно.

Сейчас принято рассказывать о «русской болезни» Ефремова и Богатырева. Не знаю. На съемках я не видела их подшофе. Мы ни разу ничего не

В роли Леки в фильме «Полет птицы»

жена Верочка Глаголева? Как дочки?» Когда Родион стучал в номер: «Лен, у тебя есть кипяtilьник?» — отвечала, что кипяtilьника нет. И остаться у меня, чтобы попить чайку, не представлялось возможности. При этом по сюжету у нас было несколько любовных сцен — достаточно страстных. Я их честно отработала. Видимо, на экране любовь получилась. На премьере фильма мой муж не смог это пережить. Сначала ворчал и возмущался вполголоса, но я отмахнулась: «Дай картину спокойно посмотреть!» И он в сердцах выбежал из зала.

— Знал бы Валерий, что ждет его дальше! Через год вышла «Интердевочка»! Кто вас сосватал Тодоровскому?

— Точно не знаю. Несколько человек уверяли меня, что это именно они «продали» Петру Ефимовичу Елену Яковлеву. И я всем благодарна — значит, тогда у меня было много доброжелателей. Тодоровский долго мучился, перепробовал множество артисток. Никто не подходил. Меня он тоже не сразу принял, даже после утверждения. В представлении Петра Ефимовича проститутка должна была быть фигуристой, с формами, а не «сеledка» вроде меня. В первые дни я не могла отделаться от ощущения, что он странно на меня смотрит, словно постоянно задавая себе вопрос:

отменяли. Возможно, они выпивали вечером, в гостинице, но на работе это не отражалось. А вне работы каждый волен расслабляться по-своему.

С Автандилом Махарадзе были исключительно рабочие отношения, а с Юрочкой Богатыревым мы подружились, потому что ездили вместе в «Красной стреле» из Москвы в Питер и обратно — картина снималась на «Ленфильме». Покупали копченую корюшку и пару бутылок пива на двоих. Юра быстро пьянел, и я не могла понять, почему на здорового мужика так действует совсем легкий напиток. Молодая была, наивная: он ведь мог еще выпить и перед отъездом. Под пиво с корюшкой Богатырев полночи рассказывал о работе в кино и своих отношениях с Михалковым. Несколько помню, Никита Сер-

геевич вдруг перестал «видеть» Юру в своих фильмах. Не хотел снимать в «Родне». Считал, что Богатырев потерял форму, и достаточно жестко заявил: «Будешь сниматься, только если похудеешь». После этого Юра сел на полуголодную диету, бросил пить и получил роль. Больше ничего рассказать не могу, не имею права. Это не мои тайны. Почему Богатырев исповедовался мне, не знаю. Видимо, ему было необходимо выговориться. Он был очень тонким и ранимым человеком. Поскольку я была никто, никому не известная молодая актриса, Юра, наверное, чувствовал себя в безопасности.

С Нахапетовым совсем другая история, он пытался ухаживать. Я его сразу тормознула. И потом интересовалась на голубом глазу: «Как ваша

«Правильно ли я сделал, что взял ее? Не ошибся ли?»

Вскоре в одну из ночных смен поехали снимать знаменитый проход Тани по набережной — в блестящем платье с бахромой. Не знаю, может, звезды встали особенным образом или белая ночь помогла, но у всех было необыкновенное приподнятое настроение. И Петр Ефимович вдруг перестал присматриваться, сомнения рассеялись. Технических возможностей завести фонограмму на площадке не было, и Тодоровский насвистывал мелодию, которая потом звучала в фильме:

ходили вдвоем — просто шепоточка с машерочкой.

В советское время в таких поездках к деятелям искусства обязательно приставляли соглядаата из компетентных органов. Был он и у нас. Не исключено, что из-за этого человека нам с Петром Ефимовичем выдали нищенские суточные — слишком много денег ушло на кагэбэшника. Из Японии все везли технику — телевизоры, аудио- и видеоманитофоны. Мы с Тодоровским подсчитали: если не есть, не пить, питаться только на фуршетах, на наши деньги можно купить небольшой те-

левизор и недорогой видеопроектор. Пошли в ближайший магазин — прицениться. Человек из органов, узнав, куда мы направляемся, ехидно заметил: «С вашими суточными там делать нечего». Мы не послушались. Может, он нарочно обманывает!

И вот стоим перед витриной и понимаем, что ситуация плачевная. «Смотрящий» не соврал. Единственный выход — купить комплект в складчину. Мне, например, телевизор, Петру Ефимовичу — видак, и в Москве устраивать совместные просмотры. Если честно, я не очень расстрои-

Ефремов казался мне монстром, Казановой, который мог совратить любую женщину. Другое дело, что «совращенные» сами этого хотели

та-та-та, та-та. Под его свист я и прошла. Все очень хорошо и быстро получилось, у Петра Ефимовича весь фильм уже был в голове. Отсняв сцену, мы все, счастливые, поехали кататься по Питеру — любоваться белой ночью.

После этого на съемках царилась замечательная атмосфера. Тодоровский сыпал бесконечными анекдотами и афоризмами. Он был очень веселым и добрым, и мы быстро сдружились. Когда после премьеры поехали с нашим фильмом на международный кинофестиваль в Токио, везде

Олег Ефремов играл одного из возлюбленных моей героини

**С Димой Нагиевым
в сериале «Каменская»**

нам, пробовали суши и другие диковинные блюда. Кагэбэшник смотрел с подозрением, но молчал. Если бы подольше там оставались, отправились бы по значным местам Токио. Было любопытно. Тодоровскому вообще все было интересно, и он как будто никогда не уставал. Говорил: «Хорошо, что у меня бессонница, а ты молодая. Можно и по ночам гулять». В Токио мы чувствовали себя как на другой планете. Помню, наблюдали за японскими дорожниками, проводившими ночью ремонт, и поражались: крошечный краник

«Дима, стольник фальшивый!» — «Как?» Бросился проверять — все деньги такие. Но Нагиев понял, что его разыграли. По нашим хитрым мордам

лась: раз технику купить не удастся, потрачу деньги на что-нибудь другое. А Тодоровский загрустил. И тут откуда ни возьмись... Никита Сергеевич Михалков: «О, Петр Ефимович, здравствуйте! Что вы здесь делаете?» Я с Михалковым была едва знакома и после нескольких дежурных фраз отошла в сторону, поэтому не слышала, о чем вполголоса говорили мужчины. Прощаясь, Никита Сергеевич что-то сунул Тодоровскому в руку. Тот вздрогнул и заметно напрягся. Едва Михалков ушел, Петр Ефимович потащил меня к выходу:

— Пойдем отсюда! Скорей!

На улице огляделся по сторонам и тихо сказал:

— Никита дал нам денег, когда узнал, что не хватает. Сейчас мы их поделим.

— Валюту? А как потом будем ее отдавать?

— Отдавать ничего не будем.

Так мы с Тодоровским купили японскую технику. Много лет скрывали, кто нам помог, но, думаю, Михалкова уже не посадят, можно рассказать. Хватило не только на вожделенные комплекты обоим, но еще и осталось. И мы шикovali: ходили по рестора-

поднимал плиточки, крошечный пылесосик удалял грязь. Все светилось разноцветными огоньками, и казалось, что это какой-то аттракцион, а не дорожные работы.

Петр Ефимович собрал целую коллекцию картинок из телефонных будок. Там были наклеены фотографии хороших японок. Что под ними написано, мы, конечно, не знали, но девушки выглядели вполне прилично. И фотки были очень красивые, на клейкой основе, их было легко снять. Тодоровского это безумно увлекало. Правда, он не мог понять, откуда в такой

крошечной стране столько красавиц. Тысячи!

В последний день японского турне организаторы фестиваля попросили нас обоих обязательно присутствовать на финальной церемонии вручения наград. А я должна была срочно возвращаться в Москву, чтобы успеть на спектакль в «Современнике», и от-

казывалась менять билет — в «Аэрофлоте» другого подходящего рейса не было. Тогда японцы подобрали мне рейс иностранной авиакомпании, летевшей через Москву в Лондон, и все-таки добились своего. Я получила приз за лучшую женскую роль и потом впервые в жизни оказалась в бизнес-классе. Это было еще

одно потрясение — советским гражданам такой уровень сервиса мог только сниться.

Представлять картину на международном кинорынке в Каннах меня отправляли без Тодоровского, под недреманным оком одной малоприятной дамы. «Советскую звезду» во Францию собирали всем миром: Вячеслав Михайлович Зайцев снабдил подходящими нарядами, Галина Борисовна Волчек — своими драгоценностями. В магазинах ничего приличного не продавалось, а сумасшедших денег на тряпки от фарцовщиков не было. Чужие кольца оказались велики и с меня спадали. Галина Борисовна советовала накрутить на пальцы лейкопластырь, но я так и не рискнула надеть ее украшения — боялась потерять. Хранила как зеницу ока в специальном мешочке.

В Шереметьево подбежали люди с коробками:

— Лена, помогите! Мы из «Совэкспортфильма». Наши сотрудники, улетевшие на кинорынок, забыли часть рекламных материалов! Передайте их, пожалуйста!

— Ну хорошо, — по наивности согласилась я.

К моему немудреному багажу прибавился ощутимый довесок из девяти коробок с печатной продукцией и пленками. Прямого рейса в Канны тогда не было, в Париже я пересела на самолет местной авиакомпании. Французы выставили счет за перевес. Ловкачи из «Совэкспорт-

фильма» этого почему-то не предусмотрели. Хорошо, была с собой заначка — семнадцать долларов. Ее едва хватило на оплату багажа. Иначе пришлось бы тратить и без того копеечные суточные. Наверное, по возвращении в Москву я могла попросить о возмещении расходов, но не знала, к кому обратиться. Шучу.

Поездка в Канны вышла неудачной, она состояла из сплошных разочарований и унижений. Жила я в ужасной гостинице, в тесном номере на двоих с переводчицей-иностранкой. Питалась кое-как, хотя могла лакомиться деликатесами с западными звездами, ведь мне прислали кучу приглашений на всевозможные мероприятия. Их из-

Неелова помочь отказалась, объяснив это определенными причинами, которые озвучивать не стану. Мне было не то что обидно — странно

учила и отвергла приставленная тетка: «Ужин со Сталлоне? Вам там делать нечего. Обед с Полански? Тоже нельзя». Знали бы об этом западные журналисты!

— С кем из партнеров по этому фильму сложились самые теплые отношения?

— Они были достаточно ровными со всеми актерами. Работала я в основном с мужчинами — своим экранным отцом Всеволодом Шиловским и шведским мужем Томасом Лаустиола. С Любой Полищук была всего пара съемочных дней. С Ирой Розано-

вой и Ингеборгой Дапкунайте чуть больше. Общих сцен у «интердевочек» в фильме немного.

Полищук оказалась гораздо проще, чем я представляла. Она ведь уже была звездой. И вдруг пришла на съемку с разными тенями на глазах: одно веко синее, другое — зеленое. Увидев, что произвела своим макияжем ошеломляющее впечатление, Люба сказала: «Лен, скучно красить каждый день оба глаза одинаково! Вот решила внести разнообразие!» Мы посмеялись, и все пошло как по маслу.

После съемок встречались на разных мероприятиях. Полищук несколько раз приходила на телевизионное шоу «Что хочет женщина», которое я вела на телеканале «Россия». Мы с удовольствием вспоминали минувшие дни. В жизни она была такой же роскошной и экстравагантной, как на экране и сцене. Демоническая женщина. На мой взгляд, женщин, подобных Любе, мужчины должны побаиваться. В быту я ее не видела. Ближе мы не общались, вопреки тому, что пишут некоторые издания. Думаю, дело в том, что

Полищук однажды назвала меня своей подругой — непонятно почему, и все это подхватили. Теперь к каждой памятной дате журналисты просят что-нибудь рассказать, но я абсолютно искренне признаюсь, что вспомнить о Любе особо нечего. Разве что этот прикол с макияжем...

С Ирой Розановой пересекаемся довольно часто. Обе

го не объяснил. Я позвонила домой мужу. Волновалась не столько за себя, сколько за сына — Денис был совсем маленьким. Валера сказал:

— Сиди и не высывайся. В крайнем случае спрячься.

— Где?!

— Да где угодно! Хоть в шкафу.

Ира тоже позвонила своему мужу. Он, наоборот, велел

вочку». Кстати, вы сами ее пересматриваете?

— Специально — нет, но если случайно попадаю на этот фильм по телевизору — смотрю. С ним связано столько приятных воспоминаний! Причем совсем не о работе. Часть картины снималась в Швеции, в основном — бесконечные проезды Тани Зайцевой на машине. Один из них,

Мы с Тодоровским купили японскую технику. Много лет скрывали, кто нам помог, но, думаю, Михалкова уже не посадят, можно рассказать

окончили ГИТИС в 1984 году, регулярно снимаемся вместе. В октябре 1993 года пережили штурм «Останкино». В тот день в одном из павильонов телецентра на улице Королева, 12, проходили съемки «Петербургских тайн». В паузе мы с Ирой вышли на лестницу покурить — прямо в длинных платьях с кринолинами. Стоим курим и вдруг видим в окне, что к зданию АСК-3 на противоположной стороне улицы подъезжают вооруженные люди на военных грузовиках. Одна из машин разбивает вход! Толпа бросается внутрь, слышатся выстрелы. Мы были настолько плотно заняты на съемках, что не следили за политическими событиями и не знали об октябрьском путче, но поняли: творится что-то ужасное. В панике бросились в павильон. Съемки тут же остановили, но группа осталась в здании. Выходить боялись — к нам никто не пришел и ниче-

ей срочно «эвакуироваться». В результате выбрали компромиссный вариант. Не стали ни бежать, ни прятаться, переоделись и засели в гримерке. Шум на улице стих поздней ночью. Мы с Ирой решили выйти, но наткнулись на омоновцев. Они лежали цепью вдоль здания, направив автоматы в сторону АСК-3. Нас не пропустили, велели ждать утра. У меня все мысли были только о ребенке и о том, что я должна уцелеть и любым путем добраться до дома.

Самым неприятным воспоминанием стало разграбление коммерческих киосков сотрудниками телецентра, некоторые люди теряли человеческий облик в экстремальной ситуации. Утром на выходе нас с Ирой обыскали — не украли ли чего. Мы пробова-ли возмущаться, но охранники не слушали.

— Неужели не узнали? Вряд ли они не смотрели «Интерде-

когда я еду за фурой, а дальнобойщик улыбается и машет рукой, — всегда вызывает счастливую улыбку, потому что ассоциируется... с белыми грибами. Шведы их не едят — считают опасными. А я после съемки зашла в лесополосу рядом с трассой и чуть с ума не сошла. Столько белых — хоть косою коси! Закричала: «Бегите все сюда!» Группа рванула за мной. В пять минут набрали целый мешок боровиков и заметались в поисках подходящей посуды. Надо же было пожарить грибы или хотя бы сварить. Со шведской стороны в группе работал фантастический человек, стоивший десятых, то ли ассистент режиссера, то ли администратор, уже не помню. У него имелся фургон, в котором как в волшебной шкатулке можно было отыскать все что угодно. Швед несколько раз выручал Петра Ефимовича. Тот, к примеру, задумывался вслух:

С Любой Полищук в фильме «Интердевочка»

— Вот бы сейчас фейерверк...

Он подсказивал:

— Фейерверк? Минуточку, — и тут же тащил хлопущки.

Услышав наши мольбы о помощи, добрый волшебник принес керосинку, сковородку, масло, и мы нажарили белых. Это был восторг!

Вспоминаю это и вижу глаза Петра Ефимовича. До сих пор не могу смириться с тем, что его нет. Тодоровский был такой мощный, интересный, любимый. Без него безумно сложно. Я его боготворила...

— После Тани Зайцевой вы сыграли совсем другую

роль — кроткую и набожную Веру Филипповну в телевизионной экранизации пьесы Островского «Сердце не камень».

— Да! Я очень обрадовалась, когда замечательный режиссер Леонид Аристархович Пчелкин пригласил меня в этот фильм, а уж когда узнала,

что партнером станет Иннокентий Михайлович Смоктуновский!.. Пчелкин, правда, предупредил:

— Лена, я прошу тебя — ты только на него не злись. Пожалуйста, не злись, когда он будет тебе что-нибудь говорить.

— Что говорить?

— Смоктуновский всегда всех учит — как будто другие ничего не умеют.

юсь со Смоктуновским, и стала просить: «Лена, пожалуйста, возьми меня с собой». Пчелкин не возражал против маминого присутствия. Пришли на площадку. Иннокентий Михайлович сразу подошел — он моментально замечал каждого нового зрителя. Спросил бархатным голоском, со своей сладкой улыбочкой:

— Подождите, у меня же здесь особый зритель, послушаем, что скажет.

Ему, наверное, было мало, что мама дифирамбы наедине пропела, хотелось, чтобы при всех.

— Ну, как, Валерия Павловна, я сыграл эту сцену? Убедительно?

Другая бы сказала «Замечательно!», а мама вдруг удари-

Люба пришла на съемку с разными тенями на глазах, одно веко синее, другое — зеленое: «Скучно красить каждый день глаза одинаково!»

Но я и без этого предупреждения с удовольствием бы слушала Иннокентия Михайловича. Меня его поучения не злили и не расстраивали, а с остальными актерами у Смоктуновского случались стычки. Не все выносят, когда перед командой «Мотор!» в ухо зудят: «Ты неправильно делаешь, попробуй вот так». Я помалкивала. Пусть Смоктуновский делает что хочет. Может, он настраивается, может, ему легче перед тем, как войти в кадр, думать не о своей роли, а о чужой — он так отвлекается. Иннокентий Михайлович все время бормотал чужие тексты. Некоторые артисты к концу съемочного дня срывались: «Отстаньте, пожалуйста! Почему вы не свою роль репетируете, а мою?» Ругались, уходили с площадки, хлопали дверью.

Моя мама тогда приехала к нам с Валерой в гости из Харькова. Узнала, что снима-

— Леночка, а кто это с вами? Кто эта очаровательная женщина?

— Моя мама Валерия Павловна, познакомьтесь, пожалуйста.

Она, конечно, растаяла:

— Боже, как я люблю ваши фильмы!

Смоктуновский, довольный, прикрыл глаза, как кот, промурлыкал:

— Спасибо!

Стали репетировать сцену, где его герой — купец Потап Потапыч Каркунов — умирает. Иннокентий Михайлович придумал, что перед смертью будет кряхтеть, стонать, вынет зубной мост изо рта и положит его в стаканчик. Предложил Пчелкину. Тот кивнул:

— Конечно, Иннокентий, если хочешь, ты же гений — знаешь, как надо.

Отрепетировали, сняли. Все в восторге. Но Смоктуновский попросил:

лась в подробный разбор и подытожила:

— По-моему, вы немного переиграли.

Смоктуновский тут же обратился к Пчелкину:

— Видишь, Ляня, зрителю не понравилось. Мы должны сделать еще один дубль.

Сняли два. Они почти не отличались от предыдущего варианта, разве что едва заметными нюансами. Мама была горда собой: она заставила самого Смоктуновского переиграть сцену! А Иннокентий Михайлович ни за что бы на это не пошел, если бы сам не чувствовал наигрыш. Он всегда все делал по-своему.

— Вам строгая мама тоже делала замечания?

— Она меня никогда серьезно не критиковала. А папа один раз заметил:

— Ты, наверное, не очень популярная артистка.

— Почему?

— Тебя очень редко по телевизору показывают. Я не про фильмы, а про программы.

— Да я просто не тусуюсь! И не люблю пустые разговоры.

Но это было в начале карьеры. Потом меня стали показывать гораздо чаще. Особенно когда вела телевизионное шоу. И папа убедился в популярности дочери.

— Родители живы-здоровы?

— Слава богу. Живут в Харькове. Они на пенсии и занимаются дачей и внуками — детьми моего младшего брата. Забот хватает. Конечно, хотелось бы чаще видеться...

— На картине «Сердце не камень» вы работали и с Натальей Гундаревой, о которой

всегда вспоминаете с большой теплотой.

— Я несколько лет не могла удалить из телефона ее номер — переписывала из одного мобильного в другой. И до сих пор так больно говорить о Наташе — «была!» На площадке она сразу становилась для всех мамой — вне зависимости от возраста. Было понятно,

Меня поучения Смоктуновского не злили, а вот с остальными случались стычки. Не все выносят, когда перед командой «Мотор!» в ухо зудят

что в трудную минуту к ней можно припасть как к матери-земле. Хотя Гундарева была довольно жесткой с теми, кого невзлюбила — сразу, без видимых причин. Такое ощущение, что она знала что-то эдакое о каждом человеке. Наверное, это особая интуиция и опыт. Вообще, Наташа была непростая. Многие представляли ее очень мягкой, доброй — ничего подобного. Гундарева была достаточно рациональной, расчетливой, в первую очередь руководствовалась своими интересами. Что правильно. Я в этом убеждалась не раз.

Сняться в «Петербургских тайнах» меня уговорила именно она. Сериал обещал стать очень длинным, а моему сыну было месяцев пять, и соглашаться на такой проект с мла-

Инноцентий Михайлович был не только гениальным артистом, но и необыкновенным партнером

денцем на руках я побаивалась. Няни у нас не было. Наташа заверила, что Пчелкин все устроит, у меня будут выходные. И действительно, я не сидела на площадке целыми днями. Да и смены тогда были короче, чем сейчас. Убеждая меня, Гундарева привела неожиданный аргумент: «Ты, конечно, заметила, что у эстрадных исполнителей появилось

мов. Нам очень повезло, что в тот период была эта палочка-выручалочка — бесконечный сериал. Иначе, чего доброго, от безденежья пришлось бы сняться в каком-нибудь ужасе.

Пчелкин собрал прекрасный актерский ансамбль. Особенно запомнился Коля Караченцов — веселый, обаятельный, не успокаивающийся ни на минуту. У него уже

встречались редко, на фестивалях. Кстати, все артисты общаются в основном на выезде. Только там есть возможность спокойно посидеть, поговорить. Помню, приехала на очередной киносмотр, а мне тут же: «Лена, скорее беги к Гундаревой! Она узнала, что ты здесь, и стучалась в твой номер! Хочет тебя видеть». Не скрою, было приятно, что из

Мне прислали кучу приглашений. Их отвергла приставленная тетка: «Ужин со Сталлоне? Вам там делать нечего. Обед с Полански? Тоже нельзя»

новшество — клип. Они записывают песню и так себя прославляют, поскольку клип постоянно крутят по телевизору. И у нас будет нечто подобное — по серии в день. Но мы будем «петь» не одно и то же, а каждый раз что-то новое». Думаю, ей самой было непросто согласиться на сериал, она и себя уговаривала. Телевизионное «мыло» считалось низким жанром, недостойным серьезного актера.

Хотя если сравнить, что снималось тогда и сейчас, то сериалы двадцатилетней давности просто шедевры. Мы не представляли, к чему все идет, но боялись, что года на полтора лишим себя возможности сняться в других проектах. Вдруг предложат интересный сценарий, полный метр? А у тебя «Петербургские тайны»! Никто не догадывался, что еще чуть-чуть и в кино наступит коллапс — время так называемых малобюджетных филь-

был шикарный «мерседес», и он на нем куда-то гонял. Если возникала пауза в съемках, спрашивал: «Сколько у меня времени?» Быстро переодевался, разгримировывался и уносился. За час-другой успевал провернуть свои дела, вернуться, снова нарядиться, загримироваться и с ходу включиться в работу. У Караченцова был бешеный темперамент и на все хватало сил.

— **Николай Петрович пытался ухаживать?**

— Не за мной. По-моему, на этом сериале у Караченцова вызывала интерес другая актриса. Имя не назову. У меня с Колей были очень хорошие, но исключительно рабочие отношения. Как, впрочем, и с Гундаревой. Мы с Наташей были приятельницами, добрыми знакомыми, но не подругами. Дружба — это когда люди достаточно глубоко вникают в жизнь друг друга. А мы за пределами съемочной площадки

всех знакомых Наташа выделила именно меня. Может, чувствовала какое-то душевное родство? Несколько раз наши посиделки проходили с участием Татьяны Васильевой. Таня с Наташей просили перейти с ними на «ты», но я не смогла. Слишком уважала обеих.

Однажды и я заслужила Наташино уважение. Снимали эпизод «Петербургских тайн», где моя героиня падает на колени перед героиней Гундаревой и бьется в истерику: «Где моя дочь?! Скажите, где моя дочь?!» Первый дубль. Я падаю, истерию, и вдруг гаснет осветительный прибор. Его меняют. Дубль два. Опять падаю, рыдаю — в камере заканчивается пленка. И так семь раз что-то мешает снять сцену. Я уже на грани настоящей, а не киношной истерики, но из последних сил держу себя в руках — позориться перед Гундаревой совсем не хочется. Она играет все дубли блестяще, потому

что не может иначе. Наконец получается. Пчелкин говорит: «Снято! Всем спасибо!» Наташа подходит ко мне: «Уважаю. Ты молодец!» Ее уважуха была дороже некоторых премий...

Многие люди с ужасом вспоминают девяностые и все, что с ними связано, а мне жаль, что прошла эта прекрасная, как оказалось, пора. Только сейчас понимаешь, насколько

— Точно?

— Точно.

Все-таки уговорили. О чем я ни разу не пожалела. Народ подобрался с чувством юмора, каждый стремился поднять настроение себе и другим. Гармаш и Нагиев на площадке — это вообще аттракцион, бесконечная ржачка. Они беспрерывно подкалывали и разыгрывали друг друга. В этом

Помню, на площадке появились фальшивые доллары — они понадобились по сюжету. Когда сцены с ними сняли, мы не могли успокоиться, не оставляла мысль использовать ценный реквизит. Деньги были очень похожи на настоящие. Зарплату нам тоже платили валютой, и мы с Гармашом подговорили бухгалтера выдать Нагиеву фальшивые баксы. По-

Наташа была непростая. Многие представляли ее очень мягкой, доброй — ничего подобного. Гундарева была рациональной, расчетливой

было здорово. Шесть часов работы, а не двенадцать. Съёмки на пленку, причем одной сцены в день, а не десяти, двадцати, как в сегодняшних сериалах. «Каменскую», правда, снимали на пленку, но не такую, как в полнометражных фильмах, а более узкую. Но все делалось достойно, качественно. Особенно в первых сезонах. И атмосфера была хорошая, партнеры замечательные. Поначалу, когда позвонили продюсеры, я от роли Каменской отказалась. Подумала, что этот сериал нереально совместить с театром. Съёмки должны были проходить в Минске, и без меня они бы остановились, если бы я то и дело уезжала на спектакли. Продюсеры долго что-то прикидывали, подсчитывали и возобновили переговоры. Я предупредила:

— Смогу сниматься только в свободное от основной работы время.

— Мы готовы на это пойти!

принимала участие вся съёмочная группа.

И Сережа и Дима не всегда сразу отвечали на подколки — думали, готовили ответ. А иногда реагировали молниеносно. Однажды снимали сцены из разных серий, но в одном составе и одних декорациях — в кабинете у Колобка—Никоненко. Вдруг прибежали художники по костюмам: «Вы еще не сняли этот эпизод? Хорошо, а то мы перепутали рубашки Гармаша. Сергей, переоденьтесь, пожалуйста, наденьте вот эту». Гармаш при всех заголился, демонстрируя не очень мощный торс, и Нагиев очень серьезно спросил:

— Ты чего, Серега, в спортзал ходишь?

— Да, — после секундного колебания ответил Гармаш.

— А че не качаешься? — так же серьезно поинтересовался Нагиев.

Народ попал от смеха.

сле этого я заняла у него столик якобы на туфли. Через полчаса прибежала в ужасе:

— Дима, твой столик фальшивый! В магазине не приняли.

— Как? Не может быть?!

Бросился проверять — все деньги такие. Но Нагиев понял, что его разыграли. Сказал, что по нашим с Гармашом хитрым мордам догадался.

Меня не разыграли ни разу. Наверное, жалели. Каменской больше всех доставалось на площадке. Когда сняли пять сезонов, книжек, пригодных для экранизации, практически не осталось, и сериал решили закрыть. Первые сюжеты отбирали очень тщательно, а последние приходилось буквально высасывать из пальца. Говорили, что Марининой предлагали продать права на ее персонажей, чтобы кто-то другой придумывал с ними истории, но она на это не пошла.

Надо заметить, что такая обстановка, как на «Каменской», складывается далеко не всегда. А актеру, для того чтобы качественно выполнять свою работу, нужно чувство-

вать себя спокойно и свободно. Чего нелегко добиться, ведь почти на каждом проекте он попадает в абсолютно новую компанию незнакомых людей: осветителей, монти-

ровщиков, реквизиторов и так далее. Они все к нему приглядываются, не говоря уже о режиссере, и нужно не просто сыграть, а завоевать их внимание и расположение, перетянуть на свою сторону. Для меня всегда было важно видеть глаза каждого человека на площадке и понимать, что он не безразличен к тому, что я делаю. А кому-то это вовсе и не требуется.

— А бывает, что не удается установить контакт с партнером? Сложно без этого играть, особенно любовь?

— Тяжеловато бывало, но так, чтобы совсем никакого контакта, — нет. Если говорить о недавних проектах, то у меня непросто складывались отношения с Максимом Авериным на съемках сериала «Склифосовский». К драматургическим конфликтам, придуманным сценаристами, неожиданно прибавился реальный. Не знаю, что Аверину не понравилось. Однажды он высказался очень эмоционально: «Я же вижу ваш взгляд! Вы меня не любите!» А я не могла понять, почему должна его любить и тем более это особо демонстрировать. Наверное, надо было выделить Максима из общей массы, оказывать особые знаки внимания. Я вела себя с ним так же, как со всеми. Потом Аверин постепенно успокоился.

А может быть, он специально обострял отношения, чтобы это сыграло на пользу дела. По сюжету у наших героев тоже не сразу все складывается.

